

Смысл техники *)

Вот, Адам стал, как один из нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не стал жить вечно. (Быт., 111, 22).

Техника принадлежит к явлениям того рода, о которых можно было бы сказать, что мы знаем, что это такое, пока не начинаем определять. Но для наших целей и не следует прибегать к точным и законченным определениям, ибо всякое определение искусственно суживает предмет, а нам нужно взять понятие техники в самом широком смысле. К этому же и преждевременно еще определять, что такое техника. Ибо не только в нашем сознании, но и объективно, она есть нечто еще **не определившееся**. Техника не есть данная, уже завершенная реальность. Она реальность еще образуемая, находящаяся еще в состоянии *im werden*. В сущности, мы еще не знаем, что такое техника. Больше того, мы этого пока и не можем еще знать. Мы наблюдаем это замечательное явление лишь в известной стадии его развития, но мы еще не знаем, какие стадии оно пройдет. Дальнейшее развитие его может опрокинуть все наши обычные представления о нем, так что быть может потребуются даже совершенно новое его наименование из за неадекватности старого, связанного с совершенно иными представлениями. Уже в наш евремя техника все более перерастает из своего прежнего основного понятия, понятия механизма, в некое совершенно новое представление, близкое к явлениям древней магии.

Следует поэтому методологически ограничиться и изучать технику по преимуществу **исторически**, рассматривая ее, как некое грандиозное всемирно-историческое явление, внесшее и продолжающее в нарастающих размерах вносить все новые и новые перевороты в нашу жизнь.

Если же так поставит изучение вопроса, тогда представление о том, что такое техника, есть дело уже творческого **исторического** воображения, дело конструктивного предвидения гигантски развертывающихся возможностей, линия развития которых теоретически может быть проведена в бесконечность, так как нет нигде мыслимой границы, где бы развитию ее можно было бы поставить предел.

Однако, несмотря на уже теперешнее сказочное, невероятное движения технического прогресса, современный человек психологически продолжает жить, как если бы ничего не произошло, как он и всегда жил. Внутренно его мир ничем существенным не отличается от того человека, который жил тысячу лет тому назад. А между тем, во всей нашей внешней и даже космической обстановке произошел

*) Доклад, прочитанный в «Зеленой Лампе» в 1933 году.

полный переворот, создалась новая некая сверхкосмическая реальность, смысл и значение коей мы даже не можем еще понять, по благодари которой совершенно изменился весь облик нашей земли, все условия нашего существования. Если до сих пор мы делили мир на царства живой и мертвой природы, то теперь возникло как бы **новое царство**, царство машин, которое нельзя свести ни к одной из областей прежнего существования. И замечательно при этом, что, исходя из наших обычных представлений, мы бы должны были квалифицировать машины, как некие особые **существа**. Ведь мы привыкли живые органические явления отличать от мертвой неорганической природы по типу причинности, которая их конституирует. Если там, в неорганической природе определяющим принципом является механическая причинность, то здесь в мире органическом господствует телеологическая причинность. И вот машина, исходя из этого нашего обычного различения, должна быть скорее отнесена ко второму рода живой реальности. Машины суть как бы некие особые существа, природу которых мы еще не научились распознавать, не обладая еще требуемыми для этого понятиями. Можно было бы поэтому говорить, что в лице современного технического прогресса произошло некое нашествие как бы нового вида существ, нашествие машин, которое и изменило все на земле. Это нашествие при том столь значительно и велико, что повергает в ужас, и не только мистический ужас людей из среды «верующих», но и людей самого трезвого и делового характера, бьющих уже тревогу о необходимости ограничения технического прогресса.

Тем не менее, как дальше увидим, это нашествие машин не есть нашествие наших поработителей, пришедших, чтоб над нами господствовать, а наших освободителей, пришедших, чтоб нам служить. Машины пришли в качестве целого сонма послушных слуг и железных воинов трудовой борьбы, чтоб вознести человека на высоту, на какой он еще никогда не был. И не их вина, если тот, кого они так высоко вознесли, столь недостойн этого своего царственного положения. Речь здесь, конечно, идет не о человеке, как таковом, а о современном упадочном буржуазно-материалистическом человеке, от которого, можно сказать, сами машины далеко не в восторге. Ведь происходящий мировой хозяйственный кризис есть в конце концов, ничто иное, как бунт машин против ничтожного современного человека и против негодности его общественного устройства. Что же произошло вместе с этим чудесным могущественным нашествием?

«Наше время (пишет проф. Бицилли) может быть названо эпохой достижений, результатов, свершений. Все, или почти все то, о чем с незапамятных времен, начиная с мифа о Дедале и Икаре, и кончая романами Жюль Верна, мечтало человечество; о чем фантазировали утописты, что пробовали делать колдуны, шаманы, маги, алхимики и астрологи, ныне претворено в действительность, стало предметом научного ведения и повседневной практики. Уже это одно может повести на мысль, что коллективный Фауст прошел свой жизненный путь до конца, и что человечество приблизилось к тому моменту, после которого, если не времени, то истории уже больше не будет». И. А. Бердяев, кстати сказать, представивший, вопреки духу исповедуемого мировоззрения, едва ли не наиболее значительное в современной литературе уразумение смысла техники, видит в ней явление не только всемирно-исторического, но космического значения и масштаба.

Но быть может еще более важна другая сторона рассматриваемого нами явления: та неизмеримая, какая то сверхгеометрическая прогрессия, в которой возрастает развитие современной техники. «За

первые тридцать лет XX века жизнь в бытовом и техническом отношении изменилась гораздо больше, чем за несколько тысячелетий предшествовавшей истории — скажем, от Соломона до Людовика XIV-го». (Алданов).

Можно было бы привести и другие косвенные свидетельства происшедшего и происходящего мирового, чтобы не сказать, космического, переворота, состоящие не в теоретическом, а в идеологическом восприятии и реакции современников на его существо и размеры. Такая книга, как «Атлантида» Д. С. Мерзжковского, еще 50 лет тому назад не могла бы появиться, хотя призрак войны, который как будто составляет лейт-мотив названной книги, всегда сопровождал жизнь человечества. В действительности симптоматична эта книга в другом отношении. Она страстный выкрик какого-то апокалиптического ужаса перед грандиозностью того, что совершается в мире и что сообщает восторг человеку титанического мирозерцания и ужас человеку теологического мирозерцания. Если для первого то, что совершается в мире, есть осуществление человеческого торжества, есть приближение его прометеевской Победы, то для второго оно есть приближение Апокалипсиса, приближение Конец. Этот ужас перед грандиозностью совершающегося в мире, перед разворачивающимся зрением человеческого всемогущества есть мистический ужас полярной ему и враждебной теологической религии, этой религии нищих духом, религии немочи, убожества, уничтожения и рабства. Тем самым мироорганизующее титаническое мирозерцание величия и могущества человека заменяет собой величайшее последнее Освобождение его, освобождение его, как духовного раба, отягченного изначально своим ничтожеством и зависимостью. И есть глубокая закономерность в том странном явлении, что величайшее планетарное образование, каким является современная техника, осталось до сих пор неосознанным и неосмысленным человечеством. Изначально отравленное теологическим духом всеупичивания, выросшее во всех своих побуждениях, понятиях и представлениях из этого единого мистического зерна религии нищих духом, с ее мироощущением немочи, убожества, духовного рабства и нищеты, человечество не обладало соответственным строем понятий, способным стать в уровень того грандиозного, что в мире происходит и произошло. Нужно создать понятия и представления нового соответственного мирозерцания, именно титанического мирозерцания, чтобы осмысление и осознание всего происходящего в мире и в частности, грандиозного явления техники, стало возможным. И тогда лишь по настоящему может быть понят и осмыслен также и этот, неслучайно столь актуализируемый в наше время, миф об Атлантиде, этот из глубины древности идущий мифический образ титанического мирозерцания с его абсолютным идеалом преображения мира, осуществления в нем творческого прометеевского Торжества. «Атлантический» означает прежде всего грандиозный, величественный. «Атлантида» — значит страна идеального, совершенного жизнеустройства, страна подлинных Сынов Человеческих — Стронгелей, Творцов. И в таком случае в противоположность сказанному мифа, — Атлантиды, этого древнего, в частности платоновского образа Золотого Века — не было — в этом основная метафизическая ложь всякого теологического мирозерцания, относящего Золотой Век в прошлое. Она — будет, — и в этом пафос титанического мирозерцания, относящего идеал Золотого Века в будущее. Золотой Век не позади, а впереди и он не утерян, а еще не найден, не осуществлен. Мы стоим у порога Золотого Века, у преддверия к царству Атлантиды. И теперь перед нами все исторические свидетельства того, что именно там, на необъятной территории прометеевски

изволенной страны происходит расчистка места для этого грядущего царства Атлантиды, царства совершенного человеческого жизнеустройства. Строить только будут не те что выполняют эту черную негативную работу расчистки, строить будут другие, стоящие в своей идее на уровне такой постройки.

Но смысловое значение техники нельзя раскрыть во всем его объеме, не обнаружив прежде ее более узкое социальное значение. Машина — **Освободительница** — вот общее обозначение, которым можно ее охарактеризовать, что касается ее «общего», и частного, хозяйственного значения.

Принято говорить о сугубой аморальности современной экономики, современного хозяйствования вообще. В действительности, вопрос обстоит гораздо сложнее. На самом деле аморальна не современная экономика, как особая система производственной деятельности, аморальна общественная форма этой деятельности. Всякая хозяйственная система состоит из двух порядков отношений. Из отношений человека к природе — техническая сторона хозяйства и из отношений человека к человеку — социальная сторона его. Первые отношения являются основными, вторые — производными. И вот, в то время, как в плоскости второго рода отношений современная экономика является не только аморальной, но и безнравственной, бесчеловечной, антисоциальной: здесь господствуют такие категории, как эксплуатация, прибыль, превращение всего в товар и всякой ценности в цену, — в это время первая основная область этих отношений, отношений человека к природе, наоборот, представляет некий небывалый феномен в истории человеческих культур по осуществленному в нем нравственному торжеству духа над материей. В противоположность всем имевшим место до сих пор хозяйственным формам, бывшим лишь **потребительными** хозяйственными системами, современная экономика впервые является **освободительной** — в материальном и нравственном смысле слова. Она служит не просто способом добывания материальных средств, при помощи которых удовлетворяются соответственные потребности человека, — она осуществляет материальное расширение его, побеждая и подчиняя его власти Природы. В сущности до эры техники нельзя было говорить о человеке, как о царе Природы, ибо тогда именно о нем можно было бы сказать, что «а король то голый». Ведь с большинством животных он не мог даже состязаться в борьбе за существование. Техника же действительно делает человека таким царем природы, давая ему царственную мощь, создавая подлинно царственное положение. Другое дело, что мощь, которую машина дает, может быть обращена во зло; она может направляться на разрушение, на убийство, на порабощение народов народами и классов классами. Но тогда это вина уже не машины, как таковой, а общественной системы, в которой она применяется, вина человека.

Машина, таким образом, заслуживает высокого звания Освободительницы и в области, которая носила на себе печать наиболее тяжкого и общего проклятия человека. Это проклятие — проклятие борьбы за существование. Здесь она делает то, что бессильны были осуществить столь много обещавшие религии, что не могли устранить никакие общественные преобразования, никакие революции и перевороты. — Она снимает это проклятие. Ибо в пределе — техника освобождает от труда, как такового, от необходимости хозяйственной деятельности вообще. Всем известно то замечательное явление современности, состоящее в быстром вытеснении машиной труда, которое совершается во всех областях хозяйства. Живя в условиях негодной общественной системы, мы склонны видеть только темные стороны

этого явления, в частности, самый парадоксальный и мрачный факт нашего времени: безработицу. Но мы не видим благостной, светлой стороны этого явления, которая и служит существом его. А между тем великий факт этот знаменует полный переворот в истории материальной цивилизации, ибо означает упразднение самой хозяйственной деятельности, как таковой, — в ее обычном историческом содержании. В самом деле. Основная категория политической экономии есть трудовая стоимость: на ней вырастают и строятся все прочие хозяйственные категории, как цена, прибыль, заработная плата, капитал и т. п. Развитие техники, вытесняющей труд, означает отмирание этой краеугольной категории экономики, категории трудовой стоимости, а вместе с ней отмирание и всех остальных хозяйственных категорий: цены, прибыли, заработной платы, капитала и т. п., т. е. отмирание не только той или иной формы, но самого существа хозяйственной деятельности. Возможность такого рода сверххозяйственного состояния общества прозревал уже Сисмонди, когда писал, что наступит время, когда король будет вращать рукоятку машины, которая будет давать все, что необходимо для Англии.

Таким образом, если бы современный капитализм не был преодолен в ускоренном социальном порядке, то в запасе остается неотвратимый технический путь его преодоления, который несет при этом упразднение не только капиталистической формы хозяйства, но всякой хозяйственной деятельности вообще. Является поэтому некоторым недомыслием, когда взамен современного капиталистического строя борются за «трудовое хозяйство», пусть и эгалитарно-трудовое. Трудовое хозяйство отмирает вообще, ибо основная категория его — труд, трудовая стоимость отмирает. А вместе с трудовым характером хозяйства должно отмирать и основное социальное зло, общее для всех эпох — зло социального неравенства людей, — существование классов. В последней основе этого неравенства лежит не различное распределение собственности, являющееся исторически производным, а изначально-необходимый порядок всякой хозяйственной деятельности — разделение функций между организаторским, то-есть интеллигентным и исполнительным, то-есть физическим трудом. Этот порядок раньше распределения собственности послужил первопричиной всякого социального неравенства: рабства, крепостничества и т. п., ибо он не только обуславливает его, но и оправдывает. Вместе же с отмиранием трудового характера хозяйства, когда функция физического труда переносится с человека на машину, падает и это социальное неравенство людей со всеми производными из него результатами и проявлениями рабства, эксплуатации, власти человека над человеком и т. п.

Таковы настоящие размеры социального значения современной техники. В ней, как сказано, снимается изначальное проклятие, тяготеющее над всем родом человеческим — проклятие необходимости борьбы за существование. Последнее же имеет не только социальное, но и глубокое метафизическое значение. Если вспомнить основоположный миф христианского теологического мирозерцания о «грехопадении» и о проклятии человека: необходимостью хозяйственного труда — борьбы за существование: «в поте лица своего будешь добывать хлеб твой», то современная техника освобождает человека от этого «божественного» проклятия. Квази-творец теологического мирозерцания с такой чудовищной жестокостью расправившийся с «первым» человеком, очевидно, не предвидел такого торжества того знания, за которое он его проклял, что им будет снято само это проклятие. Тем самым дело машины есть во-истину дело прометеевского

порядка. И данное нами ей звание Освободительницы принадлежит ей по праву.

Этот великий факт отмирания трудовой хозяйственной деятельности, как таковой, факт освобождения человека от всеобщего закона борьбы за существование имеет решающие всемирно-исторические последствия. С ним кончается вся первоначальная **материалистическая** эра истории человечества, определявшаяся в основном законом борьбы за существование и в отношении которой экономический материализм был в основном правдой и начинается подлинно **идеалистическая** эра истории, знаменующая полный переворот всех обычных соотношений сознания и бытия. Кончается эра **труда** и начинается эра **творчества**. Высвобождаясь из под власти всеобщего закона борьбы за существование, которому подчинено все существующее, человек только теперь в полной мере подымается над всем животным миром, возвышаясь над тем положением полу-животного, в котором он до сих пор был. А с другой стороны, все те энергии, которые поглощались борьбой за существование, материальной деятельностью до сих пор — а это была подавляющая часть живой энергии человечества, будучи высвобождены, должны быть обращены в новое русло деятельности, деятельности духовной. Тем самым в основной плоскости существования это будет критическим возвышением человеческого бытия, нравственным переворотом всех жизненных устремлений его, когда закончившаяся **борьба за существование** сменится высшим продолжением своим — **борьбой за бессмертие**.

Иными словами, проблема преодоления пространства — в самом широком смысле, как проблема овладения Природой, осуществления **материального могущества** человека, бывшая в центре внимания человеческого сознания до сих пор, сменится проблемой преодоления времени, осуществления высшего **социального могущества** человека, как более сокровенной темой человеческого бытия, темой организации Истории. И если, как сказано, первый род проблематики, проблематики материального могущества человека, имел своим предметом борьбу за существование, подчинение природной пространственной необходимости, то второй род ее, проблематика социального могущества, должен по существу своему иметь предметом своим высшее идеалистическое продолжение первой — борьбу за бессмертие, овладение исторической временной необходимостью. Историческая временная необходимость есть необходимость **судьбы**. Смерть есть предельное выражение судьбы, интегральное осуществление времени. Следовательно, борьба и победа над исторической временной необходимостью есть борьба и победа над смертью. Такое перенесение центра тяжести человеческого бытия из низшего пространственного аспекта Природы в высший, временной аспект Истории явится, таким образом, началом эры собственно Истории, эры прометеевского фуригантического идеала преображения мира, в отношении которой все предыдущее человеческое существование было лишь ее преддверием, прологом — пре-историей. Современное выдвижение на первый план проблемы времени в этом смысле в высшей степени знаменательно.

Техника, следовательно, представляет собой осуществление организации мира со стороны Природы; и поскольку пространство есть принцип необходимости последней, она есть выражение победы над пространством, овладения им. В этом самая общая характеристика техники. — Она есть подлинная организованная Природа. Тем самым она — величайшее проявление победы духа над материей, но, конечно, над **внешней** в отношении человека материей, ограничивающей и порабощающей его. Все вообще, что делает человек творче-

ского положительного, все, к чему он стремится, за что борется, все это есть в конце концов преодоление им своей ограниченности, своей конечности, или тоже выраженное со стороны положительной — стремление к своей бесконечности. Вот почему всякая борьба человека есть всегда в конце концов борьба с временем и пространством — двумя формами его ограниченности, его конечности, двумя препятствиями на пути к его бесконечности. К этому сводится содержание всякой религии и культуры, всякой духовной и материальной деятельности. Техника не что иное, как форма преодоления **внешней** ограниченности человека. И поскольку внешним ограничением его, внешним условием его конечности является Природа и ее отрицательная категория — пространство, постольку техника и состоит в подчинении Природы, в преодолении пространства. Благодаря ей Природа из границы человека превращается в его продолжение и из препятствия к бесконечности в мост к ней. Так Макс Мюллер определял религию, говоря, что она есть мост от конечного к бесконечному. Именно этот мост со стороны внешне-материальной и воздвигает техника. Только бесконечность эта не призрачная, не мифическая, а подлинная, реальная, составляющая предмет не мифического теологического, а реального титанического мирозерцания.

Таким образом, техника, как организованная и подчиненная Природа, есть организованная и подчиненная закономерности этой последней, ее подчиненная необходимость. Но в такой подчиненной закономерности состоит мощь, могущество человека. Мощь же, могущество есть свобода. Быть свободным значит мочь. Свобода есть подчиненная необходимость. Следовательно, техника является внешним материальным осуществлением свободы человека, внешним материальным выражением могущества его. Тем самым техника, машина является Освободительницей не только в специальном хозяйственном смысле, но и в общем метафизическом смысле. Эта ее освободительная миссия может быть символически выражена в образе Геракла, освобождающего человека-промедея от сковывавших его цепей **внешней** необходимости.

Уже из сказанного явствует, что техника и знание, на котором она базируется, полагает совершенно новое диаметрально противоположное отношение человека к Природе в сравнении с прежним его отношением к ней. Он теперь не умиляет ее, как то было во всю эру теологического мировоззрения, а подчиняет. Предшествовавшей эре теологического мирозерцания соответствовали те представления о силах Природы, которые состояли в различных формах их олицетворения. Сам Бог был ни чем иным, как верховным повелителем всех этих сил, проявивших скрытых за ним духов. При таком антропоморфическом представлении о природных силах человек должен был обращаться к молитве и приношению жертв, чтоб достичь благоприятного отношения их к себе, чтоб их умиловать. Эти физиократические представления становятся невозможными теперь, после того, как человек стал познавать естественные законы и подчинять их себе. Из отношения зависимости от Природы он вступает в отношение господства над ней и из чуждого противопоставления, она превращается в служебное восполнение его. В Природе человек приобретает как бы беспечное продолжение своего существа. Она становится как бы системой его органов, космическим телом его. Теперь он не раб, а властитель, не подчиняющийся, а господствующий. «Традиционная религия была основана, говорит Б. Рессель, на сознании бессилия человека перед силами природы, тогда как научная техника приводит к сознанию бессилия природы перед человеческим разумом». («Научные перспективы»).

Этот величайший переворот в отношении к тому, что объемлет все существование человека, в его отношении к естественной среде, имеет двухстороннее последствие: с одной стороны он означает умаление и метафизическое разоблачение Природы, с другой — предельное возвышение человека. Человек и Природа со всеми заключенными в ней духами и верховным из них, теологическим божеством как бы поменялись местами и властитель, «бог», стал на место раба и твари, а прежний раб и тварь стал на место этого «бога» и «тварца». После этого великого переворота, разоблачившего с одной стороны Природу, а с другой, как бы открывшего заново человека — является невозможным большое старое, вековечное теологическое мирозерцание, видевшее Бога в Природе и становится необходимым новое прометеевское фуригачическое мирозерцание, видящее его в истории. Тем самым, нравственная категория Совершенного теперь не может быть полагаема в созерцаемом пространстве, а — в преодолении времени. Идеал теперь для нас не дан в Природе, а задан в Истории. Природа только материя Истории, пространство только внешность времени. В Природе мы больше ничего не можем найти из того заветного, что мы вечно ищем; но мы можем все это найти в Истории, осуществляя и творя ее. Природа для нас теперь нравственно пуста и бессодержательна, но зато нравственным содержанием для нас исполнена История. И потому в поисках идеального мы устремляем взор не в бездвижную даль пространства, а в динамическую даль времени, ищем его не в священном Пребытии, а в героическом Становлении, — не на пути к Сущему, а к Становящемуся Богу.

Это перенесение центра тяжести сокровенной жизни человеческой из низшего аспекта бытия Природы в высший аспект его, Истории, из пространства во время, было бы невозможно без вышеуказанного переворота, осуществленного знанием и его практическим применением — техникой.

Великое перемещение это знаменует радикальную перемену во всем строе, во всех соотношениях бытия. В противоположность статическому, бездвижному плаву Природы с ее пространственной закономерностью пребывания, динамический план Истории со своей временной закономерностью становления, представляет собою порядок сплошного движения, свершения, изменения, порыва. Этот порядок, этот строй, таким образом — сплошь революционный. Революция — его принцип, его структура, его стихия. И действительно, современные революции — эти сгустки исторической динамики, — с их подлинным пафосом исторического Свершения, с их некоей мистерией Истории — явление безусловно нового порядка, совершенно неизвестное древним теологическим эпохам. Мистерии эти — мистерии прометеевского фуригачического мирозерцания, ибо не только последнее революционно по самому существу своему, по самой своей природе, но и обратно, всякой подлинной Революции свойственна такая его титаническая природа, такое прометеевское существо. Всякая революция, как бы ни была она изуродована и извращена, выражающей ее сознание идеологией, что как раз и случилось с Русской Революцией — есть явление прометеевского порядка. Все они, не сознавая того и даже вопреки своему формальному сознанию, исповедуют одного и того же Бога Истории, Становящегося Бога, Бога в Мировом Становлении — Восстании, поднимающегося из Земли. Но в таком случае техника и в этом отношении является подлинной **материальной базой** метафизически революционного мирозерцания. В лице машины в мир вошла великая революционизирующая сила. При том, эта сила революционизирует мир непрерывно, неустаяно. Каждый день мы можем ждать такого открытия или изобретения, которое

совершенно изменит все условия нашего существования. А это не только марксизм, что от техники зависит экономика, а от экономики — вся культура и жизнь. Ложь марксизма лишь в абсолютизации этой зависимости, в утверждении примата ее. Поэтому непрерывно революционизирующаяся техника, непрерывно революционизирует всю жизнь.

Это же революционизирование, этот непрерывный технический прогресс имеет лишь одну общую цель, одно неизменное содержание: непрерывное возрастание материального могущества человека. В этом заключается смысл техники. Как выше было отмечено, техника есть организованная закономерность Природы, ее подчиненная необходимость. Во власти же над необходимостью и состоит могущество. Поэтому, если отвлечься от обычных ассоциаций, связанных с древним понятием магии, то можно сказать, что техника есть магия титанического мирозерцания. Сущность магии состоит в произвольном вмешательстве человека в существующий естественный порядок вещей и в произведении из него того, что само по себе не могло бы произойти. Но это ведь есть также и техника. Разница лишь в размерах: ничего подобного древняя магия в своем могуществе не знала в сравнении с тем могуществом, каким обладает современная техника, находящаяся при том лишь в начале своего развития.

Но там, где магия, там религия. И современная техника это магия некой человечеством еще не осознанной,ловой «религии», — религии организации мира, осуществления абсолютной жизни здесь на земле, религии исторических свершений, прометеевской Победы и Борьбы. Зрющее в огне современных великих событий и овладевавшее миром прометеевское фуританическое мирозерцание есть **проброобраз** этой новой религии, в осуществлении замысла которой — преобразования мира — и будет заключаться чужая русская всемирно-историческая Идея. Конечно, эти слова: «религия» и «магия» следует брать лишь условно, так как то, что здесь имеется в виду столь своеобразно и противоположно обычному содержанию, связанному с названными понятиями, что они, в качестве терминов неадекватных, должны быть вообще отброшены.

В то же время с другой стороны, человек в своей вечной жажде явления Бога, жаждет ничего иного, как чуда. Скованный и подавленный повседневной естественной необходимостью, он никогда не переставал ожидать чудесного нарушения этой необходимости и в нем своего избавления, — Освобождения. Вот почему нет религии без магии, без чудес. Евангелие, вопреки некоторым рафинированным изображениям Христа (ср. Достоевский — «Легенда о Великом Инкве») — все переполнено «чудесами». Христос только то и делает, что «творит» чудеса. Больше того, когда к нему пришли от Иоанна с вопросом: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого», Он не нашел ничего более доказательного и достойного для подтверждения своей «божественности», чем «творимые» им чудеса: «пойдите и скажите Иоанну, отвстил он, что вы видели и слышали: слепые прозревают, хромые ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат... и т. д. Двухтысячелетнее ожидание «второго пришествия» есть тоже ничто иное, как ожидание предельного чуда нарушения этой проклятой естественной необходимости, чуда преобразование мира и в нем избавление человека, Освобождения. Так было в течении всей эры теологического мирозерцания, пока человек оставался еще немогущим, чтобы самому «творить» чудеса, чудеса нарушения естественной необходимости. Но явилась наука, а вместе с ней техника, и вмешательство со стороны самого человека в порабощающий порядок объективной закономерности стало повседневным фактом. Теперь человек всю жизнь свою наполнил чудесами. Мы люди этой, только

еще начинающейся новой эры, уже теперь живем в сплошной атмосфере чудес, в условиях самых фантастических возможностей, среди непрерывного и повседневного нарушения объективной закономерности и подчинения ее. И что в сравнении с этим грандиозным фантастическим миром чудес гоминителные, по пальцам считавшиеся чудеса теологов, существовавшие к тому же, больше в воображении галлюцинирующей черни, толпы, чем в реальной действительности? Достаточно осмыслить и по достоинству оценить один этот великий и грандиозный факт, чтобы понять, почему стало больше невозможным теологическое мирозерцание и необходимым титаническое, и почему все соотношения жизни так радикально переместились.

То, что прежде «делал» бог или «делали» его именем, теперь делает человек и делает своим именем, при том делает в невиданных еще размерах. — Следовательно, человек — Бог. Здесь предельная точка высоты нового сознания. К ней необходимо ведет это самое значительное заключение, вытекающее из всей современности, что человек в пределе все может, что потенциально человек — всемогущ. При этом, актуально или потенциально он всемогущ — **принципиально** значения это не имеет. С этим действительно вековечный путь человека пройден до конца и начинается новый, совершенно иной Путь его. Еще немного времени тому назад этот абсолютный принцип, что «человек все может», казался бы безумно дерзновенным. А теперь он лишь величайший обобщающий принцип, вытекающий из всех основных понятий нашей эпохи. Теперь это лишь предельное положение нового нарождающегося сознания. И тот грядущий Спитез, который придет на смену современной духовной всераздробленности, должен будет строить вокруг этого положения, как вокруг своей высочайшей башни, все свои мирозерцательные постройки.

Этот высший принцип нового сознания знаменует полный мирозерцательный переворот, еще не давший своих результатов, ибо органически еще не осознан человечеством. В нем человек впервые реально осуществил абсолютность своего существа, свое подлинное богоподобие, ибо если он все может, значит он — Бог.

Таким образом, то, что было лишь смутным предчувствием глубочайших проявлений человеческой мудрости, становится основным принципом нового рождающегося мирозерцания. И только теперь люди в состоянии по человечески воспринять то, что для древнего представления звучало божественным парадоксом: «Вы — боги и сыны Всевышнего все». Эта абсолютизация достоинства человека, идущая из глубины древности через всю историю творческого духа, в современной технике находит свое **материальное обоснование**.

И тем не менее, несмотря на весь триумф технического прогресса, есть особая историческая трагедия в утверждении современной техники. Трагедия эта состоит в том, что она осталась неоцененной. Больше того, теперь появились стремления даже ее отрицательной оценки. Однако, это трагедия не только техники, но всей современной жизни вообще. Величайшая эта ее трагедия состоит в том, что она не знает Цели, Цели с большой буквы, той Цели, в которой бы сходились все отдельные стремления, которая бы возвышала людей, делала их жизнь осмысленной, значительной и прекрасной. Таким образом и получается тот чудовищный парадокс, чтоб не сказать, чудовищная несуразность, который столь характерен для нашего времени: грандиозность средств с одной стороны и отсутствие скольконибудь значительной цели — с другой. А если нет соответственной цели, то и средства не могут получить надлежащей оценки. Отсюда эта трагедия кажущейся ненужности того невероятного могущества, которым обладает уже современное человечество.

Однако, с другой стороны, нужно иметь в виду, что не только цель определяет нужные средства, но и данные средства указывают на соответствующую им цель. Понятие возможности есть одновременно понятие и средства, и цели. В том, что мы «можем» указывается и предмет, достигнуть который мы можем и средства при помощи которых, этот предмет может быть достигнут. Современные понятия о возможностях в смысле средств таковы, что соответственно им в пределе нет больше невозможных целей. **Человек все может.** Представления о возможных средствах вышли из всяких границ, — следовательно, не имеют никаких границ и понятия о возможных целях. А это значит, что становится возможной абсолютная Цель, — вековечная мечта всех религий о преображении мира, об утверждении в нем абсолютной жизни и, следовательно, победы над смертью. Но в тако й Цели и заключается цель титанического мирозерцания, Цель которого есть абсолютная Цель. Следовательно, только в последнем можно обрести осмысление того всемогущества, к которому идет человечество и только в нем можно найти достойную оценку современной технике.

Есть вообще только два рода возможных мирозерцаний: теологическое и титаническое, если не считать, нейтрального промежуточного гуманистического мирозерцания. И в то время, как первое необходимо должно отвергнуть и даже осудить технику, второе по существу своему осмысливает и освящает ее. Ибо первое исходит из немочи и ничтожества человека, второе из величия и могущества его. Предельным положением одного является принцип, что человек все может, предельным положением другого служит теологическая аксиома, что он, как тварь и раб, ничего не может. Триумф техники есть торжество первого мирозерцания. В этом и заключается главное всемирно-историческое значение техники: она сделала **материально** возможным протеевское титаническое мирозерцание с его футуристическим идеалом подлинного реального преобразования мира.

После всего сказанного понятно почему торжество техники вызывает подлинно мистический ужас у представителей органического традиционного христианства, почему при первом появлении машины наши «богобоязненные» крестьяне в наивной непосредственности осеняли себя крестным знаменем.

На вершинах христиан. религиозн. сознания говорят, что дело в том, что техника поработает человека. Но это просто грубая ложь. Мы можем слишком многое сказать, в чем она освобождает, а они ничего вразумительного не могут сказать, в чем она поработает. То, что при этом бессознательно имеется в виду и что верно, это то, что техника подчиняет человека иному духу, духу не нигилистического теологического мирозерцания, а — героического титанического. И, действительно, хотя техника творит **положительную** свободу, она враждебна к теологической свободе **отрешенности**, свободе мистического нигилизма. О мирозерцании, которое она призывает к жизни, несовместима эта свобода мистической безответственности, духовного дезертирства. Ибо пафос этого мирозерцания — пафос героического мирозерцания, пафос подвига, ответственности Общего Дѣла. Он в том, чтоб все оставить на службу, все заставить служить, все подчинить служению, — героическому служению организации мира, творческого преобразования земли. — Откуда исходит следующее и может быть главное значение техники. В прошлом человек служению мог подчинить лишь самое себя. Теперь же, благодаря ей, становится возможным служению подчинить всю природу. Весь хаос материи благодаря ей может быть подчинен единой Цели, единому Стремлению, в котором таким образом, в творческую литургию, в богослужение

обратится мир, когда камни встанут на молитву, и молитва эта, молитва торжества, будет молитвой к Становящемуся Богу, — Богу Истории, Богу Сверхъестественного, Богу Победы, Богу Творчества. Наше Небо это ничто иное, как восставшая творчески преображенная Земля. И чтоб осуществить наше небо, его надо завоевать, — творческим мятежным завоеванием, ибо творчество — это — борьба, создание это — победа. И машины это — те железные воины восставшей Земли, которых Мы — служители творческого прометеевского Бунта — поведем на штурм неба. Тем самым это будет величайшее творческое Восстание, глубочайший нравственный переворот, в котором осуществится подлинное преображение мира, действительное торжество «Царства Божьего на земле».

П. Боранецкий.

Французская и германская тенденция

В современной крайне сложной и запутанной международно-политической игре отчетливо определились, однако, две основные тенденции: французская тенденция мира и германская тенденция войны. В перечислении этих двух тенденций, среди прочих объектов, явно проступают некоторые очень существенные русские интересы. Это заставляет нас сказать, что в данный момент проблема взаимоотношений Франции и Германии есть в некотором смысле и наша русская проблема. Тем актуальнее и яснее должно быть наше отношение к ней.

В то время, когда мы впервые выступили с печатной и устной актуализацией, теперь вновь всеми условиями предопределяемой исторической дружбы французского и русского народа, мы были, по крайней мере среди молодежи, почти одиноки. Значительная часть последней оставалась неопределившейся и нейтральной, а остальная, правда, совершенно ничтожная ее часть, явно ставила ставку на немецкую карту. Теперь к нашему удовлетворению, лучшая часть русской молодежи уже поняла то наше бесспорное положение, что **враг внешний есть всегда больший враг, чем враг внутренний**, и что нельзя, борясь с одним, предавать себя во власть другому. Этот сдвиг надо со всей силой подчеркнуть и заявить, уже хотя бы ради его морально-показательного значения.